

Краткосрочные утопии

Со времен Кропоткина мир изменился кардинально. Как отмечает политический философ Такис Фотопулос, «нынешняя интернационализация качественно отличается от своих более ранних форм». В прошлом она была основана «на национальных государствах, а не на транснациональных корпорациях». Товарные и финансовые рынки в настоящее время гораздо шире и играют «решающую роль в определении "агента" интернационализации» и «степени экономического суверенитета государства»[300]. Когда в начале XX века Кропоткин среди первых поднял тему изменения климата и связанных с этим миграционных потоках, перед ним — в отличие от сегодняшних анархистов — не стоял вопрос надвигающейся экологической катастрофы. Поэтому неудивительно, что самые заметные современные анархические утопии отличаются от кропоткинских, особенно в том, что касается экологии и технологий, и что некоторые из них больше похожи на мимолетные возможности, а не на долговечные альтернативы.

Пример тому — опубликованная в 1983 году антикапиталистическая утопия Ганса Видмера «Боло-боло» (bolo'bolo). Структура и язык произведения призваны подчеркнуть фантастический, потусторонний характер воображаемой автором утопии. Выступая под псевдонимом Р.М., Видмер начинает книгу с критики цивилизации. Она представляет собой историю, рассказывающую о переходе от кочевого образа жизни, процветавшего 50 тыс. лет назад, в каменном веке, к огородничеству, животноводству, защите земель, оседлости и ритуалам. Вслед за этим возникают иерархия, доминирование и регулирование труда. Усиленные индустриализацией, репрессивные тенденции цивилизации сводятся к постоянно расширяющимся «Рабочей Машине» и «Военной Машине». Это, в свою очередь, ведет к разрушениям планетарного масштаба: «джунгли, леса, озера, моря разорваны в клочья»; «наши друзья по играм» — животные — на грани исчезновения или «истреблены», воздух загрязнен «смогом, кислотными дождями [и] промышленными отходами». Машины опустошили природные «кладовые топлива, угля, металлов» и готовы к «полному самоуничтожению» в ядерной катастрофе. Неспособность этой единой Рабоче-Военной Машины (также называемой Планрабмашиной) обеспечивать население Земли сделала некоторых людей настолько «нервными и перевозбужденными», что они готовы к «наихудшему виду националистических, расовых или религиозных войн». Война кажется им «долгожданным избавлением от страха, скуки, угнетения и рутины»[301].

Машина «планируется и управляется» корпорациями, а также международными торговыми и финансовыми организациями. Центральных органов власти при этом нет. Машина использует противоречия между трудящимися и капиталом, государственным и частным обеспечением, мужчинами и женщинами, чтобы «расширить свой контроль и усовершенствовать инструменты». Рабочие, нанятые в качестве «полицейских, солдат, чиновников», управляют «поистине репрессивными органами Машины». На верхушке Машины располагаются работники умственного труда и технические специалисты — в основном сконцентрированные в США, Европе и Японии. Промышленные рабочие, мужчины

и женщины, как правило из стран Восточной Европы и Тайваня, находятся посередине. Сезонные и разовые рабочие, не имеющие постоянной работы или дохода, — в основном женщины и «цветные» из трущоб Африки, Азии и Южной Америки — ютятся внизу. Машина также управляет международными поставками рабочих. «Турция экспортирует рабочих в Германию, Пакистан — в Кувейт, Гана — в Нигерию, Марокко — во Францию, Мексика — в США». Разделение и специализация означают, что каждый винтик Машины ежедневно выступает в роли собственного рабовладельца:

“ «Вы тратите время на то, чтобы изготовить определенную деталь, которая используется кем-то другим, кого вы не знаете, чтобы собрать аппарат, который, в свою очередь, купит какой-то незнакомец для неизвестных вам целей. Круговорот этих фрагментов жизни регулируется согласно рабочему времени, которое было потрачено на добычу сырья, на производство и на вас. Средством измерения являются деньги. Участники производства и обмена не контролируют совместную продукцию, и может случиться так, что взбунтовавшиеся рабочие будут расстреляны из того же оружия, в создании которого они участвовали. Каждый товар — это направленное против нас оружие, каждый супермаркет — арсенал, каждая фабрика — поле боя. Вот механизм Рабочей Машины: расколоть общество на изолированных индивидуумов, шантажировать их поодиночке зарплатой или насилием, использовать их рабочее время в соответствии с собственными планами»[302].

Сопrotивление возможно и даже разрешено в определенных пределах, но совершенно бессмысленно. Оппозиционные силы обезвреживаются либо рекуперацией энергии, либо репрессиями. «Машина прекрасно оснащена против политических камикадзе. Об этом свидетельствуют примеры "Фракции Красной Армии", "Красных Бригад", аргентинских городских партизан и прочих. Она может существовать, несмотря на вооруженное сопротивление. Более того, она может обратить его энергию в свою пользу»[303].

Очевидным выходом из этого жалкого положения может показаться утопическое планирование, но Видмер так не считает. Вместо этого он стремится извлечь уроки из прошлого. Утопия для него — последнее прибежище несчастных, призванное воспроизвести условия их страданий. Помня о том, как индустриальный кошмар XIX века породил утопические надежды на будущее, но на деле лишь усилил порабощение, он предупреждает: «Даже организации рабочего класса были убеждены в том, что индустриализация заложит основу более свободного общества, где будет больше свободного времени, больше радости. Утописты, социалисты и коммунисты верили в индустрию»[304]. Видмер приходит к выводу, что у всякой утопии неизбежно есть пределы, потому что доступные нам альтернативы ограничены нашей реальностью. «Мечты, идеалы, утопии, желания, альтернативы» — это «просто очередные иллюзии». Положившись на них, мы будем втянуты в схему «прогресса». История учит, что любое прогнозируемое будущее, о котором мы мечтаем, изначально будет «мыслью Машины»[305].

Решение состоит в том, чтобы создать вторую реальность. Это позволяет переформулировать вопрос Колина Варда в новом, субъективном русле: «Как бы я хотел жить на самом деле?» Нам следует думать о ближайшем будущем, а не о некоей предполагаемой альтернативе, и это вопрос не трансформации реальности, а осознания собственных желаний, независимо от того, насколько они реалистичны.

Боло-боло и есть эта вторая реальность. Она действует глобально и локально посредством субверсии (подрывной деятельности вместо лобовой атаки) и конструирования — стратегии, которую Видмер называет субструкцией. Ее успех зависит от развития «диско-узлов» посредством трех форм прямого действия: «дезинформации», «диспродукции» и «дизрупции». Диско-узлы формируются вне рабочих мест, в пространствах, над которыми Машина не имеет полного контроля, и в результате контактов между людьми, в обычной жизни их не имеющими. Они «пытаются организовать взаимопомощь, безденежный обмен, оказание услуг, конкретные культурные мероприятия в жилых районах» и тем самым «предваряют боло»[306]. Все это распространяется на макроуровневые «трюко-узлы», обеспечивая прямую связь между географически разобщенными районами. Трюко-узлы выполняют функцию безденежного обмена, на первом этапе в отношении самых необходимых товаров, таких как «медикаменты, информация, продовольствие, одежда, оборудование», и поддерживают культурное взаимообогащение. Например, места, где преобладают технические и сезонные работники, «смогут давать больше материальных благ, а взамен получать еще больше благ культурных и духовных; они смогут многое узнать об образе жизни в традиционных условиях, об окружающей среде, о мифологии, о разных формах человеческих отношений»[307].

Боло — основная социальная единица, возникающая в результате всей этой деятельности. Боло расширяется, создавая «лоскутное покрывало микросистем» («боло-боло»), каждая из которых включает 300–500 «ибу» — несовершенных существ, замученных реальностью Машины. Боло — это экологическая стратегия выживания под названием «зила», основанная на соглашении совместно «жить, производить, умирать». Оно гарантирует выживание, дружеское общение и гостеприимство каждому ибу путем отказа от денег как средства социального взаимодействия, и использует «аза-пили» — искусственный универсальный язык, облегчающий коммуникацию без доминирования.

Зила гарантирует каждому ибу «таку». Видмер утверждает, что люди нуждаются в личном имуществе, для этого и предназначено таку. Оно представляет собой 250-литровый контейнер для хранения личных вещей — «беспорный, священный, неприкосновенный, незыблемый, сокровенный, эксклюзивный, личный». Зила также предоставляет «ялу» (ежедневный рацион на 2 тыс. калорий из местных продуктов питания), «гано» (минимум один день проживания в любом боло) и «бете» (медицинскую помощь). Чтобы способствовать передвижению, каждое боло должно принимать до 50 посетителей, причем потенциальным гостем является каждое ибу. Принятие «фази», или отсутствия границ, означает, что ибу могут свободно перемещаться с места на место и не подлежат изгнанию. У ибу также есть «нуго», таблетка для совершения самоубийства, которой можно воспользоваться в любое время, а также право требовать от других помочь ему в этом.

Зила включает в себя «нами» — право ибу «в любом месте и любым образом выбирать, практиковать и пропагандировать свой собственный образ жизни, стиль одежды, язык, сексуальные предпочтения, религию, философию, идеологию, мнения и т.д.». В свою очередь, нами реализуется посредством разнообразия «нима» или «территориальных, архитектурных, организационных, культурных и других форм или ценностей» боло.

“ «Так как возможно появление нима любого типа, то в определенных боло могут утвердиться жестокие, патриархальные, репрессивные, тупоумные, фанатичные и террористические группы. Для нима не существует ни гуманных, ни либеральных, ни демократических законов или предписаний, как не существует государства, которое применяло бы эти законы. Никто не может запретить боло совершить массовое самоубийство, умереть от экспериментов с наркотиками, довести себя до безумия или намеренно стать несчастными при жестоком режиме. Боло с бандитским нима могут терроризировать целые регионы или континенты, как это делали гунны и викинги. Свобода и приключения, повсеместный терроризм, закон дубины, набеги, племенные войны, вендетта, грабежи — в ход идет все»[308].

Видмер утверждает при этом, что бандитское нима маловероятно — эта возможность рассматривается как некий пережиток Машины. Алко-боло, индио-боло, кришна-боло, садо-боло, сохо-боло — вот некоторые их тех нима, что рождает его воображение. Он относит нима к «плюралистическому тоталитаризму», однако они придают боло-боло панархический привкус. На практике, разумеется, нами зависит от того, каким нима обладает боло. Ибу в поисках своего боло не должны идти на компромиссы. «У каждого ибу есть собственные убеждения и взгляды на жизнь, на то, какой она должна быть, но определенные нима можно реализовать только в том случае, если будут найдены ибу-единомышленники»[309].

У зила есть и ряд других ограничений. «Муну» — честь или репутация — обеспечивает соблюдение правил гостеприимства, однако здесь есть исключение. Если гости составляют более 10% боло, то боло может отказаться от зила. Кроме того, свобода «яка», тщательно регулируемого свода правил, позволяющего ибу вызывать на дуэль других ибу или группы ибу, предполагает, что все условия зила ограничены. Видмер утверждает, что выживание боло-боло зависит в основном от критической массы ибу, решивших принять в нем участие. Если слишком многие решат не участвовать, то, скорее всего, вернется денежная экономика. Других серьезных социальных угроз нет, потому что личные контакты боло-боло поощряются. После отказа от денег силовые органы Машины — «полиция, суды, тюрьмы, психиатрические больницы» — также «прекращают существование или перестают нормально работать». Видмер говорит, что некому будет «ловить "воров"», а значит, «любой, кто не крадет, — глупец»[310]. В то же время он отмечает, что боло-боло поощряет самоконтроль и соблюдение местных моральных норм.

Боло могут укореняться как в уже организованных пространствах — городах и сельских поселениях, так и в необжитых географических районах, к примеру на островах. Они также могут возникать в результате динамического взаимодействия представителей групп, ведущих полукочевой образ жизни, например моряков. Образование «лоскутных покрывал» из

микросистем, состоящих из 10–20 боло, может привести к созданию более крупных координационных центров на местном, субрегиональном и автономном региональном уровнях. Эти более крупные единицы — «тега», «вудо» и «суми» — организованы в соответствии с набором формальных правил для обеспечения контроля со стороны боло. Например, тега отвечают за инфраструктурные проекты и проводят «дала» — собрания с целью решения проблем, в которых участвуют делегаты от боло и внешние наблюдатели («дуди») от других тега.

Самообеспечение основными продуктами питания гарантирует самоопределение и самоуправление боло. Каждое боло практикует общую культуру сельскохозяйственного производства, или «кodu». Первоочередное внимание, уделяемое коду как средству установления отношений ибу с природой, направлено на интеграцию городских и сельских районов, уменьшение численности населения в крупных городах и увеличение населения в селах. Закупка продуктов питания, которые боло либо не могут производить, либо производством которых предпочитают не заниматься, осуществляется по двух- или многосторонним соглашениям. Коду зависит от участия ибу, которое составляет примерно 10% от времени каждого ибу. Психологически это может восприниматься и как работа, и как удовольствие, в зависимости от склонностей конкретного ибу. Потенциальное бремя, которое влечет за собой коду, компенсируется «сиби», или производством непродовольственной продукции, которое, как правило, представляет собой экспрессивную, творческую и приносящую удовольствие деятельность. Обмен происходит путем дарения и посредством тщательно контролируемых рынков — таким образом удовлетворяется потребность ибу в личной собственности.

Боло пользуются комплексными энергетическими системами и экологичными технологиями утилизации отходов. В холодных районах, по оценкам Видмера, энергетическая независимость боло достигает 50–80%. Водопотребление сокращается за счет изменений в промышленном производстве и ухода от «дисциплинирующих функций стирки», которые характерны для «белых воротничков» и жизни в пригородах. Другие успехи достигаются посредством изменений в процессе генерирования знаний. Исчезновение «централизованных, высокоэнергоемких, высокотехнологичных систем» делает «централизованную, бюрократическую, официальную науку» избыточной, однако это не означает, что самой науке придет конец. Опасности нового «мрачного средневековья» нет. Время, которым располагают ибу, даст возможность «значительно расширить передачу научного, магического, практического и игрового потенциала». Каждый станет профессором. «Будет больше возможностей для получения информации и исследований; наука станет доступной для всех, и у традиционных методов анализа не останется привилегированного статуса, которым они обладают сегодня. Ибу будут стараться избегать зависимости от специалистов и использовать те процессы, которыми могут овладеть сами»[311].

Концепция боло-боло в значительной мере перекликается с утопизмом Кропоткина. Принципиальная разница заключается в том, что Видмер делает нестабильность частью своих прогнозов. В итоге боло-боло терпит неудачу, доминирование возвращается. Проблема объясняется мутацией в культурах недоминирования, развитию которых способствует боло-боло. Спустя 358 лет распространяется эпидемия «белых», вытесняя

другие боло. Наступает период размышлений и хаоса продолжительностью чуть более 400 лет, пока «Таухуак не вставляет в дисковод следующую дискету»[312].

Почему боло-боло является утопией кратковременной? Во многом она выглядит такой же долговечной, как и революционная модель коммуны Кропоткина. В отличие от Кропоткина, Видмер не приводит множества статистических данных в подтверждение осуществимости проекта, но при этом описание утопии дано в мельчайших подробностях. Кроме того, Видмер даже дает предварительный график: возникновение боло-боло прогнозируется в течение трех-пяти лет (отсчет ведется с 1983 года); в 1987 году проводится первый всемирный съезд, «аза-дала»; в 1988 году боло-боло начинает свое существование.

Отчасти разница заключается в самом стиле повествования. Книга «Боло-боло» написана как вымысел, «Поля, фабрики и мастерские» — научный социально-политический текст. Другое отличие в отношениях утопии и реальности. Хаким Бей называет боло-боло постоянной автономной зоной (ПАЗ), то есть такой временной автономной зоной (ВАЗ), которой удалось «пустить корни». Будучи явлением, превосходящим мысленный эксперимент, но недотягивающим до плана, боло-боло — это мятеж, существующий во времени и пространстве, но при этом избегающий «постоянных решений»[313]. Речь идет об изначально временном освобождении, а не о революции и устойчивом изменении структуры. Утопия Кропоткина была долговечной в том смысле, что коммунистический порядок направлен на поддержание системы саморегулирования, препятствующей возвращению капитализма и государства.

Бей отдает предпочтение быстротечности боло-боло. Оно соответствует идее Стивена Перла Эндрюса о раскованном общении во время званого обеда, которой вдохновлялся Яррос, и представляет собой то самое пространство светского салона, в котором этот обед происходит[314]. Бей использует два примера, чтобы проиллюстрировать, где проходит граница между долговечными и кратковременными утопиями. С одной стороны, он находит черты ВАЗ в Баварской советской республике, провозглашенной советом рабочих и солдатских депутатов в 1919 году в Мюнхене, когда ожидание скорого разгрома (который вскоре претворили в жизнь правительственные войска) более точно отражало цели восстания, чем декларируемое революционерами достижение долговременных изменений. С другой стороны, Бей утверждает, что революция Махно «подразумевала долговечность». Длилась она недолго, но «организована» была с этой целью[315]. Никаких признаков ВАЗ в этом случае не наблюдалось. Описываемая Беем преднамеренность указывает на третье различие, а именно на качество пространства, которое должны создавать долговечные и кратковременные утопии. В своей истории немецко-американского анархизма историк Том Гойенс отмечает, что анархисты «не просто занимали пространство; они сознательно создавали его, присваивая и наделяя смыслом, отражающим их идеологию и идентичность»[316]. Анархисты, создававшие эти пространства во множестве баров и клубов, в большинстве случаев обращали свой взгляд вовне. Их воображение при этом было безудержным. Книга «Боло-боло» описывает возможность выживания для каждого, но при этом выстроена как рефлексия того контроля, который Планетарная Рабочая Машина осуществляет над пространствами освобождения.